ли извергнул ее на поверхность моря». Япония и Филиппины упомянуты Карамзиным в заметке о землетрясении. А здесь также названы «Филиппинские Гишпанские острова, еще мало нам известные,— где Натура, среди ужасов вулканических и землетрясений, рассыпает все богатства своего плодородия...» (1803. № 11. С. 160, 164–165). В том же номере «Вестника Европы» помещен перевод французской статьи «Италиянские вулканы, или Огнедышащие горы» (1803. № 11. С. 192–197).

Изучение короткой заметки «О московском землетрясении 1802 года», на которую до сих пор исследователи обращали небольшое внимание, позволяет судить об уровне естественнонаучных представлений Карамзина, их происхождении и источниках. Разумеется, изучением только названных работ Карамзина эта проблема не исчерпывается. Это возможно делать, привлекая все, написанное Карамзиным, в том числе его самые крупные произведения и эпистолярий. Заметка в то же время показывает, что в это время Карамзин уже выступает как вполне сложившийся историк-исследователь и со своей системой методов исследования, и с системой взглядов на развитие наук о природе и человеке и важности их распространения в обществе. Карамзин прекрасно выразил это в статье «О публичном преподавании Наук в Московском Университете» в том же «Вестнике Европы» (1803. № 23/24. С. 262): «Я говорю об Истории Естественной и еще ближайшей к нам Истории народов: знание той и другой необходимо для человека и гражданина, если он желает называться просвещенным».